

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

ГЕНЕРИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ФОРМ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ
СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

A. A. Shuneyko, I. A. Avdeenko

**ГЕНЕРИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ФОРМ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ**

**SPEECH FORM GENERATION AS IMPLEMENTATION OF SCENARIOS
OF INFORMATION & SPEECH EVENTS**

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue; 8-4217-529818. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language Studies, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov St. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. На этапе генерирования речевых форм в рамках определенного сценария отбираются и гипотетически апробируются языковые средства, способные в нужном русле повлиять на коммуникативную ситуацию и состояние информационного пространства. Каждый сценарий характеризуется собственными принципами отбора речевых форм.

Summary. At the stage of speech form generation in the frames of a definite scenario, the language devices are chosen and hypothetically tested which can rig the communicative situation and the state of the information space. Each scenario is characterized by its own mode of speech form selection.

Ключевые слова: сценарии информационно-коммуникативных событий, генерирование речевых форм, участник, информационное пространство, коммуникативное пространство

Key words: information and speech events' scenario, speech form generation, participant, information field, communicative space.

УДК: 804.0:801.1

Пятым этапом реализации любого сценария [1 – 7] является генерирование речевых форм. Общая природа этого этапа у всех сценариев такова: инициатор внутренне генерирует возможные речевые формы и прогнозирует характер их воздействия на коммуникативное пространство, внутренне или внешне репетирует последующие речевые действия.

На этом этапе происходит внутренняя вербализация состояния картографированного и смоделированного коммуникативного пространства. Направления, маркеры, реперы, каналы получают вербальные формы намерений. Поскольку речевые формы существуют в сложной системе, подключение к ресурсам языка продуцирует дополнительные возмущения ин-

формационного и коммуникативного пространства, включая в сценарий еще одну систему соизмерения. На этом этапе язык становится еще одним полноправным участником сценария, который оказывает влияние на других и испытывает влияние на себе. При этом вербальные формы, продуцируемые объектами информационного пространства, гипотетически взаимодействуют. Поток гипотез существует внутри информационного объекта, поэтому эти гипотезы трудно поддаются внутренней проверке и кумулятивно умножаются, одновременно с чем происходит отсев, развитие тех или иных гипотез, и некоторым образом (в основном с опорой на собственные внутренние представления о целесообразности, непротиворечивости, о том как всё в той или иной степени удачно сложится) отбирается одна или круг вероятных гипотез. Таким образом, диалог существует еще до его воплощения и ход его протекания может существенно влиять на коммуникативные установки, корректировать карты, модели, себя, представления о собеседнике, а также заполнять информационную недостаточность, переводя гипотетические ответы в единственно возможные и тем завершая сценарий. На этом этапе совмещаются адекватность понимания ситуации и уровень языковой компетенции: может быть адекватное понимание, но неумение сказать, либо неадекватное понимание при наличии блестящего красноречия, либо (в идеале) адекватное понимание и развитая языковая способность, но нередко случаи неадекватного понимания и косноязычия.

В поле действия сценария вовлекается арсенал языковых средств, которые соотносятся с характеристиками ситуации и в результате проверки оптимальности сочетания отбраковываются или намечаются к использованию. Критерии такого отбора обычно субъективны, предположения о возможных действиях собеседника могут в разной степени соответствовать действительности, но, как правило, иллюзорны. Тем не менее на этом этапе осуществляется вербальное взаимодействие с неким образом собеседника. Поскольку участники этого процесса проектируют словесную сторону коммуникации вне реального взаимодействия, на этом этапе возможно образование противоречий, конфликтов, установок на предвзятую коммуникацию. Интенсивность этого взаимодействия зависит от множества факторов, среди которых – острота потребности инициатора в совершении операций с информацией и актуальность инициатора как участника коммуникативного пространства.

Особенности этого процесса для конкретных сценариев проявляются следующим образом.

Сценарий допроса

Специфика сценария допроса состоит в том, что инициатор строит внутренний диалог с воображаемым собеседником. Он генерирует не только и не столько свои вопросы, сколько возможные ответы на них. Вследствие этого инициатор становится заложником собственных ответов. Он подбирает оптимальные пути получения этих ответов. Учитывая то, что инициатор не знает, какой из ответов он услышит в реальности, он вынужден ориентироваться на некоторый ряд возможностей, которые заставляют его подгонять вопросы под возможные ответы, а ответы – под возможные вопросы. При широком спектре ответов он пытается найти универсальный вопрос, а при едином ответе, соответственно, широкий спектр вопросов. Таким образом, действия инициатора на этом этапе сводятся к поиску соответствий между двумя неопределенными областями или неопределенной и определенной областями.

Этот поиск соответствий может осуществляться различными способами: соотношением семантически и типологически сходных форм, конкретизацией этих форм или их размытием. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится монотематичной, алгоритмичной и, как следствие, клишированной.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор многократно прокручивает в сознании одни и те же вопросы и ответы, что называется, находится в плену вопроса.

Генерируемые речевые формы не отличаются разнообразием. Они сводятся к однотипным вопросительным конструкциям или их последовательностям со строгим взаимодействием элементов: Где вы были? Что вы там делали? Кто это может подтвердить? Кем он вам

приходится? Кто мог там быть? Куда ты дел бриллианты убиенной тобою тещи? и т.п. В этом смысле сложно и витиевато построенные вопросы свидетельствуют о реализации сценария провокации. Кроме того, в состав генерируемых форм входят речевые формы оценки ответа.

Сценарий отчета

Специфика сценария отчета состоит в том, что инициатор стремится максимально охватить имеющуюся у него по данному вопросу информацию, осветить все тематическое поле, связанное с тем, о чем он собирается говорить. Это актуализирует для него большой объем мусора и второстепенных фактов. В результате этого инициатор оказывается заложником внутренней организации этого тематического поля и его ассоциативных связей. При этом некоторые формальные ограничения (время, формат) требуют от него сообщать информацию избирательно.

Отсев информации может осуществляться различными способами. Инициатор может брать за основу прямолинейную логику организации сообщения или кружение в ассоциациях. Сложность же внутренней организации информации и зависимость инициатора от этой организации приводит к тому, что избранный путь используется непоследовательно: в логику включаются те или иные ассоциации, а ассоциации независимо от него выстраиваются в логическую цепь.

Вследствие действий инициатора его внутренняя речь становится монотематичной, но эта монотематичность задана в очень широких границах. Поэтому ему очень сложно найти подступ к теме, что, в частности, приводит к генерированию всевозможных адекватных или произвольных оправданий (Я вынужден буду сократить. Я не знаю с чего начать. Я планировал сообщить другое, но сейчас понял, что нужно сказать вот что).

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что на этом этапе он выбирает одну из двух возможностей: сообщить информацию максимально сжато без всяческих комментариев (как данность) либо выстраивать сложную систему мостов и подходов, которые топят суть информации в череде оговорок и уточнений. В подавляющем большинстве случаев удержать равновесие между этими возможностями не удается.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить констатации (Волга впадает в Каспийское море. Доверие к банкам в России как было, так и остается) и номинативы (Вот это реальность. Это важная и очень ценная информация), а также вербальные средства выражения последовательности изложения (Кстати... Далее... К тому же... При этом... Вот...).

Сценарий миротворчества

Специфика сценария миротворчества состоит в том, что на этом этапе инициатор производит отбор и гипотетическую апробацию языковых средств, способных так или иначе повлиять на разрешение конфликта. Ориентируясь не на предмет конфликта, а на сам конфликт, инициатор стремится подобрать формы, максимально комфортные для всех участников конфликта, в этом состоит двойственный характер генерирования речевых форм: с одной стороны, он должен оставаться над схваткой, а с другой – не может не присоединиться к одной из сторон. В результате он вынужден отбирать нейтральные по отношению к предмету спора речевые формы и одновременно актуализировать чрезвычайную необходимость успокоения.

Это может осуществляться различными способами: запугивать нежелательными последствиями ссоры и рисовать светлые перспективы примирения; нивелировать или, напротив, преувеличивать значимость тех или иных аспектов спора; прямо отвергать противоречия или залатывать их допущениями; оценивать степень правоты сторон или утверждать бессмысленность подобной оценки. Вследствие этих действий внутренняя речь инициатора становится биполярной, он так или иначе раздваивается и между сторонами конфликта, и между

тем, что хорошо и плохо, и между тем, что есть и что будет. Однако между полюсами намечается некий центр, который положительно оценивается обеими сторонами.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что он ищет точки соприкосновения, способы устранения биполярности, актуализирует речевые формы, не допускающие оценок хорошо/плохо, правильно/неправильно, в том числе задающие принципиально иную систему координат (Может, лучше чаю попьём? Да оба вы умны, но Перельман умнее).

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить формы прямого и косвенного речевого подталкивания, актуализации совместных действий и присоединения (давайте), фиксации желательной или принципиально альтернативной реальности.

Сценарий провокации

Специфика сценария провокации состоит в том, что на этом этапе инициатор производит отбор и гипотетическую апробацию языковых средств, способных активировать реагента, подтолкнуть его к нужным инициатору действиям. Инициатор подбирает речевые формы, лишаящие реагента покоя и находящиеся в семантическом поле желаемого действия.

Это может осуществляться различными способами: прямым указанием на действие, также прямым указанием на желательность или необходимость действия и озвучиванием информации, прямым следствием из которой является действие. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится центрированной на желательном действии и шире – на предикативной сфере. Генерируемые речевые формы так или иначе сводятся к побуждению, имплицитивно предполагают выполнение реагентом нужного инициатору действия.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор перестает видеть возможность невыполнения реагентом необходимого ему действия: вся масса генерируемых форм, направленных на обеспечение успеха провокации, создает у инициатора иллюзию гарантированного успеха. Поэтому он не ищет каких-либо новых, оригинальных способов побуждения.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: повторяющиеся императивы, модальные операторы необходимости, условные и причинно-следственные конструкции, в том числе с компонентами запугивания нежелательными следствиями бездействия, вопросы с явной императивной семантикой (А кто у нас сегодня дежурит?), констатации желаемого действия как совершенного (Ты пойдешь и принесешь...).

Сценарий самонавязывания

Специфика сценария самонавязывания состоит в том, что инициатор актуализирует систему социальных стереотипов успешности. Он концентрируется на этой системе и переводит её на себя вне зависимости от того, соответствует ли он данным стереотипам. Общая семантика речевых форм состоит в констатации наличия у себя признаков, положительно оцениваемых в рамках коллектива. При этом элементы констатации связаны по принципу тематически не ограниченного нанизывания. Повествование инициатора преимущественно ориентировано на перечисление действий, а не состояний, признаков: ему важно представить себя в качестве активного субъекта информационного пространства. Следует отметить, что в центре представлений о социальной успешности лежит материальный план (квартира, машина, дача, яхта, ремонт), фокусом которого являются деньги. Однако инициатор этого сценария не заботится о том, чтобы внешние проявления как-то соответствовали его рассказу (он может рассказывать о выигрыше миллиона, будучи одетым в лохмотья).

Это может осуществляться различными способами: противопоставлением признакам неуспешности, присоединением к эталонам стереотипа, доказательством и демонстрацией соответствующих стереотипам атрибутов. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится предельно эгоцентричной, строится и вращается вокруг одного только «я». В силу этого у внутренней речи нет ни начала, ни конца. Даже если остановить её внешнее вербальное выражение, генерирование речевых форм во внутренней речи не прекращается.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор начинает считать себя исключительным эталоном успешности, полностью соответствующим её стереотипам, и утрачивает способность адекватного восприятия коммуникативной ситуации.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: повествовательные конструкции типа «А я...», «А у меня...»; речевые формы, обеспечивающие возможность продолжения такого же типа поведения (перечислительную интонацию, интригующие заявления, отсылки к последующим и предшествующим элементам текста), которые не позволяют оборвать его на полуслове, а также речевые формы, структура и семантика которых позволяет сконцентрировать на себе внимание и вовлечь реагента в коммуникативный процесс исключительно как слушателя; оценочную лексику, причем то, что относится к другим людям, эксплицитно или имплицитно оценивается как посредственное, ординарное или низкокачественное, плохое, дешевое, а то, что относится к самому инициатору, – как неординарное, хорошее, качественное, дорогое; фактическую четкость (указывается марка автомобиля и каждого из аксессуаров, цена квартиры и её интерьера, не только год и месяц, но и день, и час совершения положительного поступка, подробный перечень свидетелей с комментариями их ценности). У самонавязывателей со стажем, как правило, есть коронная зацепка, позволяющая переключить внимание на себя («Вот когда я лежал в психбольнице...», «Прилетаю я как-то на Таити...», «А вот в моей молодости...»), или знание актуальных для собеседника тем, больных, слабых мест постоянных собеседников (тема армии в институте, успех собеседника, о котором всегда можно напомнить). Одним из распространенных способов самонавязывания является рассказ об акте самонавязывания, совершенном в адрес инициатора актуальными существами или предметами (известными людьми, пришельцами, рыбами, компьютером и т.д.).

Сценарий отпугивания

Специфика сценария отпугивания состоит в том, что инициатор актуализирует набор стереотипов нежелательного продолжения контакта и переносит этот набор на себя. Общая семантика речевых форм сводится к демонстративному отрицанию у себя признаков, которые лежат в основе общения в группе или контактного взаимодействия как такового. Отбираемые речевые формы в рамках этого сценария диссонируют (контрастируют) с принятыми в данном коллективе, в данной ситуации («Ваши эти фонемки и морфемки» на круглом столе по вопросам лингвистики, «Мы будем бандитов мочить в сортирах» из уст президента с экрана телевизора и т.п.).

Это может осуществляться различными способами: рассказами о своих прошлых злодеяниях или констатациями своих опасных признаков («Сколько я порезал, сколько перерезал», «У меня дракон и я собираюсь его применить»). Коммуникативной функцией этих форм является создание состояния тревожности и установки на подчинение. Эту функцию могут выполнять и нейтральные формы, которые в определенном контексте приобретают пресуппозиции отрицательных признаков, силы и значительности говорящего («Куда спешишь, пацанчик? Ты чего такой шустрый?»).

Вследствие этих действий его внутренняя речь становится антиномичной, противопоставленной эталонам, в рамках которых находится реагент. Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор заражается описанием, заданным генерируемыми речевыми формами, внутренне становится тем, кто категорически противопоставлен нормам.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: широкое использование вербальных и прямо выраженных угроз, сформулированных с использованием форм будущего времени и фиксирующих общую семантику нежелательности и опасности контакта с говорящим. Эти угрозы, как правило, не детализированы и предполагают широкий спектр интерпретации («Я всё маме расскажу», «Я устрою вам такое, что мало не покажется», «Не потерплю! Разорю!», «Я тебя научу свободу любить», «Ты у меня на лекарства работать будешь», «Вы кровавыми слезами умоетесь», «Узнаете, кто здесь главный»,

«Мы будем бандитов мочить в сортирах», «Я вам покажу кузькину мать» и т.д.); указания на опасные признаки инициатора (Ты меня не зли, я и так злой); использование каскадов вопросов, так или иначе выражающих угрозу («Ты что такой борзый? А? Не слышу! Повтори, если не жалко! Что-что ты сказал? Ты понимаешь, кому ты это говоришь? Тебя, что не учили, как со старшими разговаривать? Я сейчас тебя быстро научу!» и т.д.); мантрообразные, заклинательные формулы и слова, коннотации которых в сознании представителей данного языкового коллектива в данный отрезок времени тесно и однозначно связаны с семантическими комплексами тревоги, опасности, страха («Зайдите ко мне!», «Стоять!», «В глаза смотреть!», партия, ЕГЭ, КГБ, черная рука, «Один мальчик пошел ночью через парк», «В одном черном-черном доме есть черная-черная дверь»).

Сценарий состязания

Специфика сценария состязания состоит в том, что инициатор эксплицирует актуальную для него иерархию в таком виде, в котором он занимает более высокое положение. При этом он обращает особое внимание на типы, характер взаимодействия между ступенями этой иерархии. Его интересуют, в первую очередь, пути перехода с одного этажа на другой. Суть действий инициатора сводится к переименованию компонентов и отношений иерархии, с точки зрения желаемого им положения.

Это может осуществляться различными способами: путем устранения, перемещения компонентов вверх или вниз, переосмысления функций, ролей, приписыванием или акцентированием существенных для иерархии признаков. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится оценочно поляризованной: то, что связано с победой инициатора, оценивается как реальное, закономерное, безусловно положительное, а то, что не соотносится с его победой – как нереальное, случайное, отрицательное. При этом сама иерархия представляется не как перспективная, желательная, возможная в будущем, а как существующая в прошлом и настоящем. Таким образом, несмотря на соревнование, речь здесь преимущественно ретроспективна.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что он создает некорректный сопоставительный портрет, смысл которого сводится к формуле «любой хуже меня».

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить:

- 1) оценочные средства и сравнительные конструкции, при этом положительные оценки относятся к сфере инициатора, а отрицательные – к сфере конкурента: «У меня много опыта», «Он в сравнении со мной ничего не значит»; 2) противопоставления с положительной или более высокой оценкой себя: «Я это могу, а ты нет», «Я окончил институт, а его выгнали»; 3) констатацию безвыходности ситуации для реагента, его полной бесперспективности: «Ты никогда этого сделать не сможешь», «Тебе это не дано»; 4) перетолковывание, установление связи любой информации с нужной иерархией, при этом инициатор не обязательно заботится о логичности этой связи: «Мою победу предсказывал Нострадамус», «Я родился в Рязани, а рязанские всегда выигрывают», «Ты на прошлой неделе десять рублей потерял, поэтому куда тебе руководить»; 5) речевое давление на собеседника, перебивание его: «Да замолчи уже», «Все устали тебя слушать», «Сколько можно об одном и том же»; 6) апелляцию к слушателям, перетягивание их на свою сторону, что предполагает положительную оценку слушателей: «Посмотрите, люди добрые, какой это человек», «Вы, как просвещенные люди, интеллектуальный цвет, можете меня оценить по достоинству»; 7) прямые или косвенные оскорбления и унижения, клевету: «С тобой, уродом, никто не разговаривает», «Кто бы говорил...»; 8) дискредитацию ранних состояний иерархии: «И этот человек когда-то...», «Что мы имели? Разброд и шатание»; 9) игнорирование нежелательной информации: «Это к делу не относится»; 10) использование средств обострения противопоставления, путем подчеркивания антонимии и гиперболизации: «Я всё для вас делаю, а они ничего»; 11) приписывание себе функции арбитра: «Я всё решил. Так и будет», «Здесь я устанавливаю правила»; 12) номинации награды или финального результата, которые выполняют функции магического заклинания, выдают желаемое за действительное и внедряют в сознание инициатора и окружаю-

щих, что соревнование уже выиграно: «На месте президента я ...», «Эта медаль предназначена для меня», «Меньше, чем первое место, меня не устраивает».

Сценарий подчинения

Специфика сценария подчинения состоит в том, что инициатор эксплицирует актуальную для него иерархию в таком виде, в котором он занимает более низкое положение. Инициатора интересует не характер взаимодействия элементов иерархии, а характер собственного взаимодействия с иерархией и тем, что находится вне неё. Он стремится устранить несоответствие между высокими требованиями иерархии и утратой (неимением) способности им следовать.

Это может осуществляться различными способами: самоустранением, переосмыслением своей функции, демонстрацией несоответствия занимаемому месту, перетаскиванием других элементов на собственное место. Суть всех этих действий едина – экспликация информации о необходимости понижения своего статуса. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится эгоцентричной со знаком минус. Он генерирует речевые формы, в которых отрицается наличие у него свойств, необходимых иерархии.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор накапливает отрицательные характеристики в отношении себя и проецирует их на требования иерархии таким образом, что признаки собственного несовершенства превращаются в признаки совершенства иерархии, даже если у иерархии таких признаков никогда не было. Так инициатор убеждает себя в несоответствии занимаемому месту всё больше и больше.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: 1) оценочные средства и сравнительные конструкции, при этом отрицательные оценки относятся к сфере инициатора, а положительные – к сфере предполагаемого заместителя своей нынешней функциональной роли: «У него много опыта, больше сил, он лучше разбирается в проблеме», «Я в сравнении со ним ничего не значу»; 2) противопоставления с положительной или более высокой оценкой других: «Я это сделать не смогу, а он сделает», «У него три высших образования, а у меня два»; 3) констатации безвыходности ситуации для инициатора, её полной бесперспективности: «Я никогда этого сделать не смогу», «Мне этого уже не дано»; 4) негативные оценки перспективы сохранения нынешних отношений: «Если я останусь, вам всем будет хуже»; 5) подчеркивание завышения оценки инициатора со стороны других: «Вы слишком хорошего мнения обо мне»; 6) репрезентацию прошлых заслуг как неактуальных: «Да когда это было? То-то, что давно», «Когда-то я что-то, может быть, и мог, а теперь...»; 7) стереотипные конструкции: «Все рано или поздно уходят», «Всё проходит, всё меняется»; 8) пассивное речевое поведение, право слова передается другому (с разной степенью настойчивости): «Что вы меня спрашиваете?», «Сколько можно меня спрашивать? Я ничего толкового уже не скажу», «Да решайте сами, наконец!»; 9) апелляции к слушателям, за счет которых производится перетягивание их на свою сторону, что предполагает положительную оценку слушателей: «Посмотрите, люди добрые, на что я похож», «Вы, как просвещенные люди, интеллектуальный цвет, видите, что я не справляюсь»; 10) игнорирование своих позитивных, востребованных в иерархии качеств: «Это к делу не относится», «Так получилось случайно», «Это не моя заслуга»; 11) средства обострения противопоставления путем подчеркивания антонимии и гиперболизации: «Мне сто лет в обед», «Все мои силы уже потрачены»; 12) приписывание обстоятельствам функции арбитра: «Здесь уже ничего не поделаешь», «Время диктует свои правила»; 13) номинации желаемого результата, которые выполняют функцию магического заклинания, выдают желаемое за действительное: «Моё дело – бумажки перекладывать», «Я только с капустой справляюсь», «Наконец-то я обрету свободу». Композиционно речь строится как некорректный сопоставительный портрет: инициатор принижает себя и выпячивает других, отдельных людей или обстоятельства. Если инициатор реализует модель преемничества, его речь содержит максимальное число упоминаний имени преемника, выполняющее магическую функцию: это имя используется к месту и не к месту, часто сопровождается цитацией. Инициатором продуцируются фразы, смысл

которых сводится к подведению итогов: «Мной много сделано», «Много хорошего было в нашей работе». Прощальную речь инициатор готовит с обязательным использованием извинений: «Если что-то не так, простите меня».

Сценарий создания

Специфика сценария создания состоит в том, что тема, соответствующая генерируемым речевым формам, не достаточно определена, не до конца сформировалась, что приводит к их вариативности, размытости выражаемого содержания. Инициатор вынужден ходить вокруг да около, не зная точно, рядом с чем он ходит. Он потенциально захватывает в свой арсенал речи большое количество языковых возможностей, изначально базируется на огромном спектре тематических планов. Сам процесс генерирования в силу этого постоянно замедляется, потому что мысль «я скажу то-то и то-то» часто сталкивается с мыслью «а если я скажу неправильно».

Но эта же неопределенность играет роль катализатора и требует продолжения попыток, в результате которых из совокупности неопределенных утверждений выбираются такие, которые в его представлении являются более определенными. При генерировании речевых форм инициатор оказывается между двух огней: он точно не знает, что он должен сказать, но уверен в необходимости речи. Изначально размытый семантический план ставит его перед необходимостью привлечения каких-то конкретных реалий, которые уравнивали бы неопределенность. В этот момент он обращается к общеизвестным жизненным категориям, притягивает сравнения.

Следствием обращения к жизненному опыту, совмещенному с неясностью эталона, который позволяет оценить адекватность генерируемых речевых форм выражаемому содержанию, становится создание притч, стихов, высказываний афористического характера, соответствующих иным (эстетическим, риторическим и др.) эталонам. Нужно подчеркнуть, что само по себе писание стихов, притч, проповедей и т.п. не означает, что автор является инициатором данного сценария. С другой стороны, инициатор может опираться на эталоны аксиом и формулировать законы, основанные не столько на логике, сколько на вере и убежденности.

Таким образом, не зная точно, что он хочет сказать, инициатор хватается за всё подряд и тем самым отражает внедрение зарождающейся темы в структурированные единицы информационного пространства. Однако при всей широте тематического разброса у инициатора есть сдерживающий фактор. Им является страх сказать что-либо уже известное или присоединиться к тем концепциям, против которых он выступает. Этот страх еще больше затрудняет речь, потому что учесть всю сумму уже сказанного никто не в состоянии. Общий смысл действий инициатора сводится к тому, чтобы выразить нечто малопонятное, ранее не высказанное.

Это может осуществляться различными способами. Он может либо попытаться максимально отвлечься от существующих вербальных стереотипов, поместить себя в подобие вербального вакуума, либо, наоборот, попытаться учесть и задействовать их максимально большое количество. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится фрагментарной и разорванной. Он пытается найти некую опору, но не знает, где ее искать.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор оказывается заложником семантической неопределенности и никак не обозначенного своего места в ней.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: 1) начальную семантическую размытость высказываний, уводящую в дурную бесконечность интерпретации, афористичность; 2) отсутствие строгой логики в связи между единицами, замещение её ассоциативными, эстетическими связями; 3) элементы противопоставления норме; 4) ориентацию на универсального адресата (стремление говорить для всех без учета потенциального количества слушателей, то есть изначально не учитывается, будет речь предназначена одному человеку или миллиону); 5) семантические повторы с перефразированием;

б) нетривиальные, алогичные сочетания слов; 7) совмещение прямого и переносного значения, употребление слов в слабых семантических позициях, когда значения, в которых они используются, не определены контекстами; 8) отсутствие внимания к этикетным формулам; 9) постоянное использование абсолютных категорий (подлинный человек, истинная вера); 10) полностью неопределенный модальный план во временном, пространственном, соотносимом с реальностью представлении; 11) отсутствие внимания к композиции, формальным средствам выражения метатекстовых связей; 12) отсутствие внимания к формальному выражению авторского «я» и к эгоцентрическим словам, фиксирующим говорящего; 13) общую концентрацию на семантическом поле «созидание»; 14) активное использование средств вовлечения и присоединения (мы с вами).

Сценарий уничтожения

Спецификой сценария уничтожения является то, что инициатор изначально находится в ситуации противоречия: он должен сделать так, чтобы об уничтожаемом объекте картины мира не осталось никакой информации, но для этого он вынужден о нем говорить. Основное из следствий этого противоречия – избегание прямых номинаций стираемого объекта. Кроме того, оказавшись в рамках редуцированной картины мира, он вынужден использовать ограниченный набор языковых средств и тем. Суть действий инициатора сводится к выталкиванию некоего фрагмента информации за пределы коммуникативного пространства.

Это может осуществляться различными способами, но основными являются следующие: замалчивание, негативное перефразирование и очернение.

Вследствие этих действий его внутренняя речь становится клишированной, однотипной и зацикленной на одном предмете. Выход за пределы этих рамок приобретает характер немотивированного провала, необъяснимого с точки зрения действительного положения вещей. Инициатор не может посмотреть на свою картину мира со стороны, поэтому оказывается лишен возможности просчитать реакцию на сказанное им – он целиком убежден в правильности средств, которые отбирает, а возникающее при этом непонимание воспринимает агрессивно, как проявление вредного воздействия уничтожаемого объекта. Инициатор оказывается заложником семантической определенности, что, в свою очередь, порождает примитивизацию средств. Он лишен возможности использовать поэтические изыски.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к отсеканию естественно сложившихся связей уничтожаемого объекта с другими, которое ориентирует инициатора строго на синхронию. Он отсекает от себя все потенциальные возможности обращения к тем сферам, которые могут разрушить созданную им узкую картину мира. Поэтому он не может обращаться к прошлому, в том числе к своему жизненному опыту, не может делать выводы из результатов предшествующих коммуникативных событий. В этом смысле он бьется как птица, сидящая в им самим созданной клетке.

Инициатору не с чем сравнить генерируемые речевые формы, поэтому эталоном становится исключительно собственная убежденность. В лучшем случае он может гипотетически апробировать речевые формы только на себе (повышают ли они его собственную убежденность), а поскольку он заранее убежден, то каждой эффективной, с этой точки зрения, речевой формой он еще больше поработается. Он оказывается в жестком плену личного речевого опыта, полностью теряет мобильность, способность к адекватному переключению и возможность реагировать на окружающий речевой контекст.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: 1) начальную семантическую конкретность, заставляющую толочься на одном месте; 2) примитивную строгую логику; 3) стремление к соблюдению нормы (он думает не «а верно ли я сказал, с точки зрения истины», а «правильно ли я сказал, с точки зрения нормы»); 4) отсутствие ориентации на адресата (он ставит себе прямые вопросы, на которые сам и отвечает); 5) постоянные буквальные повторы или повторы с примитивным перефразированием; 6) тривиальные, устойчивые сочетания слов; 7) стремление к исключительно прямому значению слов; 8) повышенное внимание к этикетным формулам; 9) постоянное использование

абсолютных категорий (подлинный человек, истинная вера); 10) полностью определенный модальный план во временном и пространственном отношении (здесь и сейчас); 11) отсутствие внимания к композиции, формальным средствам выражения метатекстовых связей; 12) постоянное формальное выражение авторского «я» и стремление к эгоцентрическим словам, фиксирующим говорящего; 13) трансформированное, искаженное или перифрастическое наименование уничтожаемого объекта; 14) общую концентрацию на семантическом поле «разрушение»; 15) отсутствие средств вовлечения и произвольное использование средств отторжения.

Сценарий эксперимента (игры)

Специфика сценария эксперимента состоит в том, что инициатор вынужден рассматривать свой и чужой предшествующий речевой опыт как отрицательный эталон, а также искать причины, которые уже не позволяют применить ранее считавшиеся эффективными речевые формы. Поиск этих причин совмещается с переделыванием речевых форм в новые.

Это переделывание может осуществляться различными способами: произвольной перетасовкой, переразложением, внедрением одной формы в другую, разрушением иерархий, изменением контекста. Здесь могут быть представлены все способы деформации. Инициатор осуществляет насилие над речевыми формами.

Вследствие этих действий его внутренняя речь становится калейдоскопичной. Она постоянно непоследовательно, хаотично трансформируется, сохраняя свою относительную целостность лишь под влиянием энергетически перенасыщенной темы, которая притягивает к себе причудливые комбинации различных речевых форм и их фрагментов. В таком состоянии инициатор не может ничего сгенерировать последовательно: семантический центр в виде доминирующей темы свободно дрейфует в пространстве иных тем. Но доминирующая тема является залогом того, что вся совокупность возможностей не распадается на отдельные части.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что слова, связанные с доминирующей темой, выражающие её признаки, разбрасываются в стороны других тем. Тем самым предопределяется использование этих слов при экспликации иных тем. Сама же отнесенность этих слов к одной теме обеспечивает монотематичность речи при всей широте охвата и случайности взаимодействий. С дугой стороны, такое разбрасывание ослабляет связь этих слов друг с другом и способствует дальнейшему избавлению от стереотипов.

Хаотичное перемешивание случайных компонентов неподвластно контролю со стороны инициатора, притом, что семантический центр, то, что является предметом эксперимента, задает именно инициатор. Наиболее причудливые из хаотично складывающихся комбинаций инициатор фиксирует в памяти. Из этих комбинаций инициатор может составлять различные по объему наборы, которые объединяются тождеством центральной темы, но, в сущности, представляют собой именно набор снимков, сделанных инициатором в процессе перемешивания.

Получаемые речевые формы могут быть различными – от официальных до художественных, но ни одна из них не будет последовательной и полной. Все эти формы носят следы хаотичного взаимодействия. Поскольку прошлые представления его не интересуют, а то, что может получиться, ему не известно, он выпадает из времени и замирает в синхронии. Тем не менее он соотносит генерируемые речевые формы с тем, что было на момент начала сценария.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: 1) аномальную сочетаемость слов; 2) отсутствие формальной логики; 3) отсутствие четкой последовательности; 4) тенденцию к противопоставлению норме; 5) выпадение из коммуникативного контекста; 6) отсутствие ориентации на адресата; 7) постоянные буквальные или трансформированные повторы; 8) приписывание словам несвойственных им значений и смыслов; 9) отсутствие этикетных формул или использование их не впопад; 10) неопределенный модальный план во временном и пространственном отношении; 11) отсутствие внима-

ния к композиции, формальным средствам выражения метатекстовых связей; 12) формальную невыраженность авторского «я» и отсутствие эгоцентрических слов.

Сценарий мимикрии

Специфика сценария мимикрии состоит в том, что инициатор отбирает речевые формы, способные служить маской для реальных событий, свойств, отношений. Он устанавливает соответствие между тем, что друг с другом не связано, и ищет пути взаимозамены.

Это может осуществляться различными способами: перебором возможных вариантов или подгонкой определенных речевых форм, но в любом случае инициатор стремится сделать так, чтобы зазор между реальностью и способом её выражения и интерпретации был незаметен.

Вследствие этих действий его внутренняя речь становится энантиосемичной. Она выражает одновременно нечто и нечто противоположное, принципиально иное. Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что он раздваивается между двумя реальностями: действительной и сконструированной самостоятельно.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: 1) подмену смысла речевых единиц; 2) использование туманных категорий; 3) замалчивание информации, способной дезавуировать подмену; 4) расстановку акцентов; 5) актуализацию путей отступления и речевых реакций на возможную блокировку; 6) использование слов и оборотов, подчеркивающих действительность того, что говорится (несомненно, нельзя возразить).

В заключение следует подчеркнуть, что хотя характер продуктивности, разнообразия генерируемых человеком речевых форм зависит от его речевых способностей, в любом случае учет специфики речевых форм, генерируемых в рамках различных сценариев, помогает человеку вести себя адекватно ситуации, значительно облегчает задачу поиска средств выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Сценарии информационно-коммуникативных событий (общее определение) / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № I-2(1). – С. 58-64.
2. Шунейко, А. А. Целевые установки сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № II-2(2). – С. 86-98.
3. Шунейко, А. А. Предпосылки реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № III-2(3). – С. 93-97.
4. Шунейко, А. А. Участники сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № IV-2(4). – С. 76-89.
5. Шунейко, А. А. Втягивание участников как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № I-2(5). – С. 55-61.
6. Шунейко, А. А. Ориентация как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № II-2(6) – С. 46-53.
7. Шунейко, А. А. Моделирование как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № III-2(7). – С. 57-64